К феноменологии старости*

Лишаев С. А.
Россия, Самара, Самарский университет, доктор философских наук, профессор кафедры философии

В статье описывается возрастная специфика старости как последнего возраста взрослости. Рассматриваются понятия «старения» и «старости», а также вопросы о критериях начала старения и наступления старости как возрастного периода. Ключевое место в описании и истолковании старости занимает анализ изменения в соотношении темпоральных векторов надситуативного временения Dasein. Показано, что экзистенциальная конституция старости определяется или доминированием возрастного прошлого (старость завершения), или выходом по ту сторону надситуативного временения (созерцательная старость).

Ключевые слова: *возраст, философия возраста, старость, ситуативное временение, надситуативное временение, возрастное будущее, возрастное прошлое.*

Об особом положении старости как предмета философской рефлексии можно судить хотя бы потому, что единственный античный трактат о возрасте – это трактат Цицерона «О старости» [14]. И хотя после этой работы старость очень долго (до конца XX века) не была предметом философских исследований, это не отменяет символического значения того факта, что первый текст о возрасте был посвящен именно ей. Возобновление в последние десятилетия философского анализа старости связано с формированием новой дисциплины: философии возраста. Среди исследований, посвященных отдельным возрастам,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00705 («Философия возраста в горизонте герменевтической феноменологии»). Ранее работа публиковалась в сборнике: Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы: Всерос. науч. конфер., посвященная 80-летнему юбилею заслуж. деятеля науки, проф. В. А. Конева. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2017.

наиболее заметное место занимает литература по геронтософии*. В определенном смысле философия возраста – это философия старости, и только потом – других возрастов.

Старость и старение. В анализе старости необходимо различать старость истарение. Старение начинается значительно раньше, чем наступает старость. В чем же состоит старение, в чем оно выражается? Когда оно начинается, и когда человекиз стареющего становится старым? Каковы критерии вступления в последний возраст взрослости?

Начало старения. Если описывать старость не в терминах биологии, медицины, психофизиологии, социологии и т. д., а в терминах герменевтической феноменологии, то необходимо признать, что человек стареет, потому что овременяет свое существование. Его бытие темпорально (времeнно), а значит, ему открыта врeменность, конечность жизни. Он сканирует временн*ы*е параметры своего тела и сопоставляет их с тем, сколько прожито, и сколько (при благоприятных условиях) осталось, если отправляться от средней продолжительности жизни. Временн*о*й статус жизни человек фиксирует как возраст.

Соотношение размерности прошлого, настоящего и будущего как конечных ресурсов персонального существования по ходу жизни меняется, а осознание смены временной доминанты означает вместе с тем и смену возрастной идентичности (в молодости доминирует будущее, в зрелости – настоящее, в старости – прошлое). Изменения, происходящие по ходу жизни с телом, сдвиги в эмоциональной сфере, в мышлении, в поведении и т. д. связываются с текущим и с предстоящим возрастами (или с отсутствием возрастной перспективы, как в старости). Например, человек поздней зрелости с какого-то момента начинает воспринимать то или иное заболевание не просто как болезнь, а как свидетельство приближающейся старости, как симптом старения. Отсутствие желания выйти в выходной день на прогулку, поехать в гости, сходить на концерт он объясняет не усталостью, не «срочными делами», а тем, что постарел, охладел и разучился желать.

Говоря о начале старения, следует отметить, что оно связано *с изменениями в восприятии внутривозрастного будущего*. Старение начинается, когда человек, живущий настоящим (зрелый человек), перестает надеяться на то, что грядущее будет лучше, чем минувшее и на-

---

* Среди работ, посвященных старости, имеются монографические исследования [1; 10; 11], множество статей [12; 3; 9] и диссертации [13; 5; 6; 4].

стоящее (что через какое-то время он «выйдет на новый уровень»). Старение (темпорально и экзистенциально) начинается тогда, когда человек сознает, что в будущем будет примерно то же, что было, без особых изменений, и готов принять такое будущее. Тот, кто стареет, ориентирован на удержание и воспроизводство сложившегося, освоенного, того, что срослось с «я» как его живой образ (как образ жизни). Когда стареющему человеку под давлением обстоятельств приходится что-то менять в его профессиональной деятельности или в домашней жизни, когда он вынужден чему-то учиться, отказываться от привычного, он испытывает раздражение. Он еще способен освоить новое, но делает это неохотно («зачем это все? сомнительно, чтобы от нововведений стало лучше») [8]. Возрастной консерватизм – яркое свидетельство старения человека, то есть сужения поля его персональных возможностей*.

От зрелости к старости. Проблема перехода. Зрелость – это вовлеченность в продуктивную деятельность; ее определяют забота и торные тропы привычек. Зрелый человек убежден, что он всем должен: и себе, и другим людям, и (если верует) Богу. Зрелость – это исполнение *долгосрочных* целей и обязательств, сопрягающее требование неотложности действия с его повторяемостью и с готовностью ждать «итогового» результата долгие годы [8]. В акме человек отдает себя миру, и тем утверждает в нем свою индивидуальность. Старость – это период, в котором происходит освобождение от груза долговременной заботы. Освобождение от забот и переход в позицию «вне игры» создает предпосылки для освобождения от «оборота на себя» (о. А. Шмеман), от диктатуры эмпирического «я» и для следования этосу мудрой (созерцательной) старости. (Впрочем, мудрость как экзистенциальный максимум старости является регулятивной идеей лишь для некоторой части стариков).

Размышления о старости не в отвлеченном, а в практическом ключе начинаются в период консервативной (удерживающей) зрелости (чаще – во второй ее половине), когда на симптоматику старения труд-

---

* Мы говорим о возрастном, а не о политическом или идеологическом консерватизме. Молодой человек вполне может быть (идеологически) консерватором, а пятидесятилетний – либералом. Речь не о консервативной идее, а о фиксации ранее занятых позиций: стареющий человек окапывается в либерализме или консерватизме, отстаивая ту или иную установку, потому что сжился с ней. А поскольку будущее стареющего человека закрыто для нового, то разрушение установок, с которыми он себя идентифицировал, обычно им отвергается.

но не обратить внимания. Подготовка к старости – одна из экзистенциальных задач консервативной зрелости. Обдумывание грядущей старости идет по двум направлениям: материально-бытовому и экзистенциально-смысловому. О внешнем, материальном обустройстве старости (пенсия, место проживания, дополнительные источники дохода и т. д.) люди размышляют чаще, чем о ее экзистенциальном смысле. И это удивления не вызывает. Экзистенциальная подготовка к старости интереснее для философского анализа, чем подготовка материальная, поскольку удовлетворенность ей как возрастом зависит не столько от степени благоустроенности быта, сколько от меры осмысленности бытия-старым. Размышления зрелого человека о смысле старости, о ее достоинстве, о способах быть старым готовят к ней и помогают принять ее.

Удачное слово для старения нашла О. А. Балла, назвав его «работой расставания» [2]. Старение – это то, что происходит с нами, и это то, что мы делаем со своим старением. Вступление в новый возраст – по причине рассогласованности разных аспектов старения и геронтофобских настроений современного мира – в значительной мере зависит от самого человека, от его готовности *признания* собственной старости. Готовность или неготовность признать себя старым определяется тем, видит ли человек в ней одно только вычитание возможностей и обеднение жизни, или воспринимает ее как возраст, который накладывает множество ограничений, но при этом дает человеку что-то важное, ценное, новое.

К признанию старости человека приводит накопление критической массы изменений в состоянии здоровья, в работе памяти, в способности адаптироваться к переменам, в работоспособности и т. д. Ее подталкивают к нему и окружающие: старика играют его близкие и вообще «другие». Уступая стареющим место в транспорте, спрашивая пенсионное удостоверение, интересуясь здоровьем и т. д., они напоминают ему о старости и подталкивают к ее признанию. В эту игру вступает (со своей стороны) и государство, оно зачисляет человека в пенсионеры в соответствии с его паспортным возрастом. Законодательно вмененный возраст сам по себе не делает человека экзистенциально старым, но он актуализирует возрастную рефлексию. До тех пор, пока человек не признаёт своей старости, он старым (экзистенциально) не является.

Вместе с тем расхождение между физическим возрастом и возрастным самосознанием, а также возрастным этосом имеет предел. В какой-то момент постаревшее тело ставит упрямца перед *невозможностью продолжения деятельности*, поддерживавшей зрелость. Когда человек вынужден оставить дела, которыми он был занят в годы зрелости, а заменить их нечем, ему волей неволей приходится признать себя старым.

В наши дни переход к старости, если сравнивать его с тем, как он проходил в обществах традиционного типа, заметно усложнился. Рассогласованность физического, психологического, социального и экзистенциального старения определяется его неравномерностью. На усложнение (и растянутость) перехода к старости влияют и геронтофобские настроения общества потребления, в чьи представления о достойной жизни дряхлая старость никак не вписывается. Лучшим возрастом здесь признают молодость, а наступление старости пытаются отсрочить, так что разрыв между физическим, психологическим, социальным старением и старостью как возрастом и особым этосом год от года возрастает*.

Сегодня многие из тех, кого окружающие считают старыми, сами себя таковыми не признают. Этому способствует то обстоятельство, что есть много профессий (и их число растет), в которых исполнение служебных обязанностей не предполагает значительных физических усилий, и человек может оставаться «на привычной работе» даже тогда, когда сил у него остается немного (работа в сфере образования, особенно – вузовского, в науке, в медицине, в сфере культуры, среде дизайнеров, людей «творческих профессий» и т. д.).

Есть два способа расстаться со зрелостью: добровольный и принудительный. Добровольный переход к старости предполагает признание себя старым *до того момента, когда к этому принудят здоровье (тело) и/или давление общества*. Если человек *признает* себя старым добровольно, он *принимает* своюстарость, а принятие возраста – важ-

---

* Отсрочка признания старыми (по биологическим критериям) людьми собственной старости имеет последствия: люди, которые могли бы прожить старость по позитивному сценарию, этого не делают. Если исходить из геронтофобской установки, рассматривающей старость как бедствие, то умереть, не познав старости, – это счастливый исход (не мучился перед смертью). Если же рассматривать старость как возраст, который дает человеку особые дары, без которых жизнь не полна, то не дожить до старости – это печально.

ное условие конструктивной работы с ним в рамках позитивного сценария бытия-старым.

В случае вынужденного признания старости велика вероятность того, что человек вступит в конфронтацию со своим возрастом. Здесь тоже «возможны варианты»: старческийэтос может иметь форму активной («героической») старости, ведущей борьбу с продолжающимся старением. Но непринятие старости может реализоваться в пассивном («ворчливом») залоге, в режиме жизни, обиженной «на жизнь»[*]. Стоит заметить, что за неприятием старости стоит отрицание ее экзистенциального достоинства, ее ценности. Позитивные сценарии старости, напротив, признают достоинство старости. В них отправляются от признания незаместимости даров последнего возраста тому, кто способен их принять.

Экзистенциальная конституция старости. Наступление старости как особой возрастной формации – это переход *от исполнения самости* в рамках больших экзистенциальных проектов (семья, дети, реализация в профессии, в общественной деятельности, в политике и т. д.) *к существованию в режиме «вне игры»*. Выход из игры осуществляется с разной степенью радикализма. Внимание в старости смещается с практической деятельности в перспективе долгосрочных целей и долговременных обязательств на созерцание и рефлексию. Впрочем, ситуация «вне игры» не исключает деятельности, в том числе – творческой, созидательной. Но в старости она или определяется повседневными нуждами, или обращена на приведение в порядок и редактирование летописного свода жизни, или замкнута на себе самой, так что ее результативность отходит на второй план[†].

Как и в случае с другими возрастными формациями экзистенциальную конституцию старости определяют изменения в характере временения Dasein (Присутствия), обусловленные тем, что Присутствие фактично в своем временном «так есть». В экзистенциальном основа-

---

[*] Подробнее о поведении человека в случае непринятия старости см.: [7, с. 173-179].

[†] Женщина преклонных лет с удовольствием рисует (вышивает, вяжет, занимается макраме и т. д.). Занятия живописью приносят ей радость. Своими работами она делится с родственниками и подругами. Но при этом главное для нее – процесс. У нее нет амбиций и целей художника-профессионала или людей, которые учатся живописи и мечтают получить общественное признание как художники. Ее занятия живописью бесцельны, и потому – прекрасны.

нии старости лежит изменение в соотношении размерности временных векторов экзистирования Присутствия. Человеческое бытие вр*е*менно, так что временение, оставаясь одним и тем же по структуре (прошлое-настоящее-будущее), по-разному осуществляется в молодости, зрелости и старости. Тот, кто временит, овременяет эмпирическое «я»; он знает, – примерно – какова его позиция на возрастном треке жизни: сколько им прожито (возрастное *уже*) и сколько еще предстоит прожить (возрастное *еще*).

Темпоральная специфика *старости* определяется 1) *доминированием прошлого*, которое превосходит другие времена по величине и экзистенциальному «весу» (старость в горизонте старого, старость как деятельное завершение жизни [7, с. 183-185]), и 2) возможностью *выхода по ту сторону надситуативного временения* (старость в горизонте ветхого, созерцательная старость [7, с. 185-190]), которая появляется благодаря редуцированию возрастного будущего (но возможность эта реализуется не часто).Приход старости означает смещение темпоральной доминанты временения Dasein с настоящего на прошлое или на вечное (по ту сторону надситуативного времени).

В старости надситуативное прошлое – это наиболее глубокое темпоральное измерение, определяющее собой (с содержательно-смысловой стороны) ситуативное и надситуативное настоящее, а также редуцированное до внутривозрастного и ситуативноговременения будущее. Доминирование прошлого обусловлено не только его величиной (прошлого много, а настоящего и будущего – мало), но и тем, что в старости н*е*чего противопоставить «набитому» содержанием прошлому. В настоящем «ничего не происходит», в нем нет неожиданного, поразительного, нового, того, что могло бы захватить воображение, удивить и увлечь, а возрастное будущее – и вовсе отсутствует.

Надситуативное настоящее в старости – это *неопределенное* (и *неопределимое*) *теперь,* продолжительность которого всегда под вопросом. Оно слабо структурировано по причине отсутствия долгосрочных целей и неопределенности витального и темпорального ресурса, которым располагает старик. Если в зрелые годы человек предполагал, что его настоящее продлится – в зависимости от точки отсчета – еще 5, 10, 20 лет, то старик свое возрастное настоящее такими величинами не

измеряет*. Он хорошо сознает, что и его возрастное настоящее, и его внутривозрастное будущее (все то, что выходит за пределы ситуативного временения) может составить годы, а может – несколько месяцев… Это как Бог даст.

Отход от обязывающей деятельности (от деятельности, за которую отвечаешь перед собой и другими), ее ограничение заботой о внуках (если они поблизости), помощью соседу/соседке, уходом за цветами и т. д. приводит к тому, что возрастное и внутривозрастное настоящее (надситуативное «теперь») слабо структурированы в содержательном отношении. Ведь настоящее в старости не загружено заботой об исполнении среднесрочных и долгосрочных целей, которые могли бы насытить жизнь смыслом. Настоящее отступает перед прошлым потому, что дает мало пищи для размышлений (проходят годы, но «ничего не происходит»). Настоящее стереотипно (опривычненность жизни достигает максимума в старости; прорывы новизны, вспышки интереса к чему-либо, увлеченность сведены к минимуму). «Пуст*о*ты» настоящего заполняют привычки, сформированные в прошлом, и привычки, возникшие в старости (привычки досужей жизни).

Старость – это возрастная расположенность человека, оставившего работу над исполнением больших целей и долговременных обязательств. Он «отошел от дел» не потому, что до конца исполнил свои цели и достиг совершенства в своем деле, а потому, что у него нет сил добавить к сделанному что-то, что могло бы повлиять на «общий итог»; при этом у него уменьшается, а потом и сходит на нет желание двигаться вперед.

Будущее (как в молодости) и настоящее (как в зрелости) в старческом возрасте *не удерживают больших целей.* В результате *цели* автоматически *перемещаются в прошлое* в качестве исполненных (реализованных) или неисполненных (и уже неисполнимых) целей. Жизненные смыслы и борьба за их воплощение осталась в прошлом. Вот почему в фокусе внимания *старости завершения* оказывается *прошлое*. Его нельзя изменить, но его можно осмыслить, отобрав значительные моменты, расставив запятые, точки, восклицательные и вопросительные

---

* Человек не может точно сказать, сколько продлится его возрастное настоящее (зрелость). Может быть, он призн*а*ет себя старым в 55 лет, а может быть – в 70, но задаваясь этим вопросом в 47 лет или 52 года, он исходит из того, что у него есть как минимум 7-15 лет активной жизни, что на них он может рассчитывать, *планируя свою жизнь*. Старый человек позволить себе этого не может.

знаки. Жизнь только тогда вполне завершена, когда она осмыслена, когда о ней сложена и рассказана повесть. *Продуктивная* деятельность старика за пределами ситуативного временения и бытовых забот (за пределами самообслуживания и поддержания жизни) определяется и направляется прошлым. Его надо обдумать, о нем надо рассказать, исходя из него, надо совершить символически нагруженные действия, завершающие жизнь в смысловом и этическом отношениях. Символическое завершение (старость) следует за практическим ее исполнением (зрелость).

Однако стоит учитывать, что забота старого человека может структурироваться и иным образом: не вокруг прошлого, а вокруг вневременного, вечного, с которым старый человек остается тет-а-тет (не так, как в молодости и зрелости). Забота об Ином освобождает от озабоченности завершением земных дел и, частично, от бытовых хлопот. Она разрешается на пути веры и/или философского размышления, *освобождающих душу* от диктата вросшего в мир эмпирического «я» (старость в горизонте ветхого, мудрая старость).

Наиболее значительные изменения в темпорально-возрастном раскладе старости связаны с усыханием будущего. В старости (и только в старости) надситуативное временение внутри жизни *оказывается неполным*: из его структуры *выпадает возрастное будущее*. Вместо него остается *внутривозрастное будущее* («через год, Бог даст, достроюдомик на даче», «надо будет сделать внучке подарок на окончание школы»). Но потом и оно сходит на нет. До конца жизни сохраняются лишь ситуативное временение и ситуативное будущее («сходить за пенсией на следующей неделе», «принять утром лекарство», «поздравить сестру в среду» и т. д.). Будущее внутри старости переживается как проблематичное: планируя что-то на год или два вперед, старик сознает только условную исполнимость планов (планируемое произойдет, если… не подведет здоровье, если… я буду жив)*. Отсюда специфика планирования: оно имеет короткое темпоральное плечо. И чем глубже старость, тем оно короче. С определенного момента среднесрочное планирование

* Конечно, любое будущее проблематично. И 30-летний человек, как и семидесятилетний, не может быть вполне уверен в том, что через месяц он не умрет, но в тридцать (и много позже) эта возможность еще не ограничивает целеполагание и планирование, оставаясь абстрактной. Внезапная кончина мало вероятна. Но в старости пренебрегать неопределенностью надситуативного будущего уже невозможно, ее приходится учитывать, принимаясь за то или иное дело.

и вовсе сходит на нет. Старый человек ставит ситуативные задачи; он исходит из требований дня (недели) и в этих пределах располагает будущим (своими возможностями в бытии). Его временение к концу старости не отличается – по своей размерности – от временения ребенка. В своем воображении он, конечно, может выходить в посмертное будущее, но оно имеет *транс*возрастной, трансбиографический характер («что будет с моими детьми, внуками?» «вспомнит ли обо мне через двадцать, тридцать лет кто-то, кроме внуков?» и т. д.). Это не время собственных возможностей, это будущее, в котором старика не будет как практического деятеля и созерцателя, это время, о котором он ничего не узнает. Будущее по ту сторону жизни (а мы говорим о посмертной судьбе человека на земле), в отличие от возрастного будущего, *недоступно для забрасываемых в него* и сцепляющих с будущим прошлое и настоящее *целей*, целей, которые прежде удерживали то, чего нет, но что возможно.

Подводя итоги. Переход к старости предполагает *признание старости*. Признание старости меняет темпоральную доминанту жизни и способ, которым Dasein экзистирует в этом возрасте. Вниманием старика завладевает прошлое, которое определяет – в содержательном плане – горизонты возрастного настоящего и внутривозрастного будущего. Старость – это возраст, натолкнувшийся на невозможность следующего возраста. Вместо возрастного будущего человек обращается к внутривозрастной перспективе, которую отличает неопределенность, и которая по ходу старости умаляется вплоть до полного исчезновения. Возрастное настоящее старости также неопределенно. Оно ограничено смертью, приход и наступление которой непредсказуем. Невозможность содержательно-смыслового структурирования ситуативного настоящего из возрастного будущего или возрастного настоящего делает неизбежным его структурирование из прошлого (из свершившегося). Кроме того, старость как возрастная формация взрослости располагает к выходу за пределы надситуативноговременения и соотнесению «я» с вечным, вневременным (религиозный и философский горизонты структурирования настоящего). Только признание старости маркирует вступление в экзистенциальную старость. Для разворачивания бытия-старым важное значение имеют акты ее признания или не признания, принятия или не принятия. Позитивный сценарий старости (принятие старости) обеспечивает возможность – на уровне возрастного этоса –

конструктивных вариантов ее проживания (старость завершения и созерцательная старость).

Литература

1. Альперович В. Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1998.
2. Балла О. А. Работа расставания. URL: http://www.proza.ru/2010/04/02/217.
3. Белозерских С. Н. Современный взгляд на старость: философско-антропологический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 5. С. 55-61.
4. Геценок С. В. Активная старость как образ жизни: социально-философский анализ. Дисс. … канд. филос. наук. СПб., 2009.
5. Демидов В. П. Старость как социально-философский феномен. Дисс. … канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005.
6. Коротчик Н. А.Старость как культурно-исторический феномен Дисс. … канд. филос. наук. СПб., 1995.
7. Лишаев С. А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб., 2010.
8. Лишаев С. А. Внутренняя периодизация зрелости // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2017. № 1. С. 3-24.
9. Пигров К. С. Философия и старость: к конституированию геронтософии // Философия XX века: школы и концепции. СПб., 2003. С. 288-290.
10. Рыбакова Н. А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. СПб.: Алетейя, 2006.
11. Рыбакова Н. А. Феномен старости. М.; Псков, 2000.
12. Философия старости: геронтософия. Сборник материалов конференции. Серия «Symposium», вып. 24. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
13. Христенко О. В. Философско-антропологический анализ старости. Дисс. … канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
14. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.

Lishaev S. A.

ON PHENOMENOLOGY OF ANILITY

The article regards age peculiarity of anility, which is the last age of maturity. It considers the notions of "aging" and "anility". I have also tried to identify the criterion of the aging start and of the anility coming as an age period. The sum of the temporal vectors of the oversituational temporality of Dasein do shifts over time, and the analysis of it is the key point for the description and interpretation of anility. It is shown that the existential constitution of anility is determined either by the predominance of the age past (the case I call "anility of completion") or by the way out beyond the oversituational temporality (the case I call "meditative anility").

Key words: *age, philosophy of age, anility, situational temporality, oversituational temporality, age future, age past*

Символизм первобытной культуры

Нагорнов Е. А.
Россия, Нижний Новгород, Нижегородская государственная медицинская академия, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук

В статье рассматривается понятие символизма применительно к феномену первобытного мышления. Автор считает, что символизм первобытной культуры носит не столько сакральный, сколько, прежде всего, активистский характер, направленный на привлечение сверхъестественной силы для практической деятельности человека. При этом источником сверхъестественной силы выступают сами мифы первобытного человека, связанные с Золотым временем его предков.

Ключевые слова: *первобытное мышление, миф, символ, знак, предок.*

В своем словарном значении знак – это «материальный чувственно-воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающее в